

– подборка одиннадцатая –

ВОСПОМИНАНИЯ
праведной ребецн
Ханы,

да упокоится она с миром,
супруги праведного раввина, гаона и хасида, каббалиста,
нашего учителя

рабби Леви-Иццока,

да будет память святого праведника благословенна,
да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга

матери святого ребе,
нашего господина и учителя

рабби Менахема-Мендла,

да будет память святого праведника благословенна, да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга,

Шнеерсона

из Любавича

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON
INSTALLMENT 11

Published and Copyrighted © 2011

by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY

770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213

(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718

editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213

(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148

www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Manufactured in the United States of America

Отпечатано в России

Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

Предлагаем вашему вниманию одиннадцатый выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

24 кислева 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

Воспоминания ребецн Ханы Шнеерсон

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедаљи, 5708 года (17.09.47 г.)²

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

* * *

[14 кислева 5709 года]

² Дата написания записок, указанная самой ребецн.

«Что же будем есть?..»¹¹⁸

После начала войны в Чиили и окрестностях стали появляться все новые и новые евреи — эвакуированные из городов европейской части СССР. Нередко мы встречали среди них своих знакомых, в чем не было ничего удивительного — в свое время наша семья была повсеместно известна.

С одной стороны, мы испытывали определенное облегчение от того, что вокруг нас теперь стало больше евреев и начало даже создаваться некое подобие общины. С другой стороны, положение в целом постоянно ухудшалось, особенно тяжелыми стали материальные условия жизни. Многие стремились нам помочь, но не очень хотелось прибегать к помощи людей, которые находились в таком же тяжелом положении, как мы сами. Поэтому всем желающим помочь мы говорили: они могут проявить свое уважительное отношение, если будут время от времени приходить к нам домой, просто чтобы посидеть вместе. И люди стали навещать нас. Иногда приходили целыми семьями, чаще — мужья с женами, порой даже обращались за советом по тем или иным вопросам. Все это начало походить на более-менее нормальную жизнь, хотя со временем все больше начинало сказываться влияние тех условий, в которых мы оказались, и все острее вставал вопрос: что будет дальше?..

Началось самое жаркое время года, и наше здоровье ухудшилось. От происходящего дома, в Днепропетровске, нас отрезало пламя войны. Лишь изредка доходили до нас письма беженцев, покинувших свои города и заброшенных в еще более отдаленные места, чем Чиили. Они напоминали нам о прошлых временах и о добрых друзьях, которых так не хватало в нашем нынешнем одиночестве.

Вопрос «что же мы будем есть?» встал перед нами со всей остротой. Не очень приятно так много об этом говорить, но когда человек в течение долгого времени недоедает и страдает от голода, мысли о еде наполняют все его существование, силы тратятся только на то, чтобы не сломаться, и постоянно преследует страх перед завтрашним днем.

¹¹⁸ В предыдущих главах «Воспоминаний» рассказывалось, в основном, о первом периоде ссылки рабби Леви-Иццока (до нападения Германии на СССР). Далее ребецн описывает события 1941–1944 годов, наиболее подробно остановившись на последнем годе жизни мужа (5704/1944-м).

Средство от насекомых

Мы все время искали, где бы раздобыть немного муки для лепешек из теста, которое делалось на дрожжах или на соде. Чтобы испечь эти лепешки, мы (обычно я, так как мне не хотелось отрывать мужа от работы) выходили из дому и собирали под палящими лучами солнца веточки кустарника или какую-нибудь траву, которая высохла настолько, что вспыхивала, как солома. Впрочем, и сгорали эти импровизированные «дрова» моментально, так что приходилось собирать еще и еще.

Днем, когда солнце припекало, выходить из дому не было никакой возможности, а по ночам, когда становилось прохладнее, не давали покоя укусы комаров, так что тоже нельзя было слишком задерживаться на улице. Набрав прутиков и веточек, я возвращалась в комнату, стараясь как можно быстрее закрыть за собой дверь, чтобы комары не успели залететь внутрь.

Еще мы пользовались таким средством от насекомых: разводили огонь и бросали туда травы, дающие густой дым. Это обеспечивало возможность посидеть вечером на свежем воздухе. Нельзя было разводить слишком большой огонь, чтобы не мешать соседям ярким светом, мы должны были довольствоваться лишь струйкой дыма, который был темнее ночи... По ночам часто дул сильный ветер, и не раз случалось, что его порывы швыряли клубы дыма прямо в лицо — ощущение не из приятных! Однако пользы от дыма было гораздо больше: он действительно отгонял комаров и большинство других насекомых, хотя некоторым удалось привыкнуть даже к дыму, так что они продолжали докучать нам. Мы часто со смехом спрашивали друг у друга советов, как вести себя с незваными «гостями».

Так проходили летние месяцы, когда мы старались делать все, чтобы не страдать от голода. Каждый раз удавалось раздобыть какие-то продукты — то крупу, из которой варили кашу, то муку, то кукурузу. Когда появлялись деньги, становилось чуточку легче: в рацион добавлялись молоко и сливочное масло, эта еда насыщала и улучшала настроение.

Помню, как-то раз я зашла в один дом по делу и увидела на столе сырники и какао (хозяином дома был богатый еврей, который руководил конторой, занимавшейся распределением продуктов питания среди населения). Предложили и мне попробовать (у них в доме соблюдали кашрут), но я, хотя забыла уже вкус подобных деликатесов, удержала себя и ни к чему из стоявшего на столе не притронулась — из гордости и чувства собственного достоинства: чтобы они не считали, что дали милостыню оголодавшей

женщине... Выйдя оттуда, я очень гордилась тем, что устояла в этом испытании.

Никому не пожелаю пережить подобное! В столь тяжелом положении человек может, не дай Б-г, начать уподобляться животному, у которого инстинкт получения удовольствия от еды является основным в жизни. Большинство с честью переносило это испытание, но были и те, кто опустился очень низко. Эти люди ходили и выпрашивали хлеб и другие продукты, не думая ни о чем, кроме еды.

Кто наколет дрова?

Среди наших знакомых, оказавшихся в эвакуации, был один зажиточный еврей из Харькова. Он купил себе телегу с лошастью и часто уезжал далеко от поселка рубить деревья, в основном саксаул, который хорошо горел и давал большое жаркое пламя. Этим он зарабатывал себе на жизнь. Нам он тоже как-то привез телегу дров, которые были сложены в построенном нами во дворе шалаше. В отношении отопления теперь стало полегче, хотя появилась новая проблема: нужно было наколоть дрова. Мы, естественно, никогда этим не занимались, и нас выручил бывший румынский помещик¹¹⁹. Он припомнил, как его прислуга в свое время колола дрова для него, и, попрактиковавшись, сумел освоить это занятие и наколоть привезенные нам дрова.

...Так мы старались справляться со всеми трудностями, но усталость накапливалась, а физические силы истощались.

Месяц тишрей

Наступили осенние праздники¹²⁰. Как и годом ранее, в *йомим норойм*¹²¹ мы молились, запершись в комнате, скрываясь от посторонних взглядов. В тот год эвакуированные евреи сняли квартиру на окраине поселка, подальше от центра, и там устроили *миньян*. Свиток Торы нам прислали из Кзыл-Орды — областного центра. Собралось довольно много людей — мужчины и женщины, молодые и старые, представители всех социальных слоев, выходцы из разных уголков страны.

Как обычно, мой муж рассказал всем, как себя вести в праздники, и потом делился с проходящими к нему людьми соображениями

¹¹⁹ О нем рассказывалось в 10-м выпуске «Воспоминаний».

¹²⁰ Как упоминалось в сноске 117, ребецн переходит к рассказу о последнем годе жизни мужа. Речь здесь идет об осенних праздниках 5704 года (октябрь 1943 года).

¹²¹ Дни между Рош га-Шана и Йом Кипуром (1–10 тишрея).

насчет того, как лучше всего претворить сказанное в практическую сферу. Кто-то сказал: если он будет так открыто говорить о требованиях еврейского закона, это может повредить всему делу, но муж решил не обращать внимания на эти соображения. К счастью, праздники прошли спокойно.

Гости в Йом Кипур

Вспоминается, как на предыдущий¹²² Йом Кипур мы сидели втроем: мой муж, я и один ссыльный еврей, который проводил у нас все праздники. Молились по Махзору, который я привезла из дома. Нет возможности передать те чувства, которые пробуждала в нас молитва!..

Во время молитвы мы увидели, что какой-то парень заглядывает в наше окно (хотя занавески, вроде, были плотно задернуты — именно для того, чтобы никто не мог ничего разглядеть). Мы испугались: может, НКВД послало его следить за нами? Гость наш, напуганный больше всех, не хотел, чтобы молодого человека пускали в дом, но муж, благословенной памяти, распахнул дверь и пригласил его войти.

Молодой человек оказался ссыльным из Литвы. Куда сослали его родителей, он не знал, его же самого призвали в «трудармию», и он оказался в Чиили. В один из дней он ехал на своей повозке и заметил на улице моего мужа. Молодой человек решил, что должен выяснить, где живет этот еврей. Что-то в его лице подсказало парню, — так он нам рассказывал, — что рядом с этим человеком можно будет простоять и проплакать весь Йом Кипур... Встреча произошла за неделю до праздника, этого времени ему как раз хватило, чтобы выяснить наш адрес.

Молодой человек многие молитвы знал наизусть. До одиннадцати часов он работал, разъезжая по Чиили на своей телеге. Просить, чтобы его освободили от работы в этот день, он побоялся, но после работы, в двенадцать часов, уже был у нас, успев по дороге переодеться в не столь затрапезную одежду.

Еще через полчаса к нам пришла еврейка, эвакуированная из Николаева. Она и ее муж жили в деревне, километрах в четырех от нас. От кого-то она узнала, что мы живем тут. Перед Йом Кипуром муж ее заявил: если Всевышний делает такое с евреями, то он молиться не намерен. Она же на это ответила, что, дескать, наоборот, собирается молиться больше, чем во все прошлые годы. К нам она дошла пешком, понятное дело, ничего не съев и не выпив!

¹²² То есть 5703 года (сентябрь 1942-го).

Вообще, удивительно, что ей удалось добраться до нашего дома — ведь спрашивать у первого встречного, где живет раввин, она не могла: чтобы прийти к раввину, к тому же ссыльному, следовало соблюдать все меры предосторожности.

Наблюдая за молящимися (каждый из них был со своими жизненными сложностями и со своей горечью на сердце), я не могла себе представить, какие еще обстоятельства могут вызвать в людях подобное состояние...